

Министерство образования и науки Российской Федерации
Томское отделение Всероссийского минералогического общества
Томский государственный университет
Кафедра минералогии и геохимии

ГЕММОЛОГИЯ

*Материалы научной конференции,
посвященной 115-летию образования кафедры и музея
и 10-летию организации геммологической подготовки
студентов*

Томск, 19–20 ноября 2003 года

Томск
2004

БИБЛИОТЕКА

Музей археологии и
этнографии
ТГУ

№ 11070

УДК 549
ББК 26.303
Г33

Г33 **Геммология: Сборник статей** / Томск: Томский государственный университет, 2004. 124 с.

ISBN 5-94621-097-X

В сборнике подводятся итоги 10-летнего развития геммологической специализации на кафедре минералогии и геохимии ТГУ. Рассмотрен также широкий круг научных вопросов, отражающий основные направления специализированных исследований сотрудников университета и других организаций страны.

УДК 549
ББК 26.303

Редакторы сборника:
С.И. Коноваленко (отв. редактор),
Л.А. Зырянова, А.А. Басва

ISBN 5-94621-097-X

© Томский государственный университет, 2004

П
чав
200
гин
мол
на к
лет
кам
закл
экон
став
ской
нима

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РЕЗОЛЮЦИЯ	6
<i>Коповаленко С.И., Зырянова Л.А.</i> Десятилетие подготовки геммологов на кафедре минералогии и геохимии Томского государственного университета.....	7
<i>Зырянова Л.А., Чернышов А.И.</i> Перспективы сотрудничества геолого-географического факультета Томского государственного университета и ООО «Камнерезы Алтая».....	15
<i>Коваленко И.В., Костелова Т.Г.</i> Цветные камни – некоторые особенности структуры минерально-сырьевой базы.....	20
<i>Коповаленко С.И., Басва А.А., Бухарова О.В.</i> Геммологический потенциал пегматитов Западной Монголии.....	25
<i>Свенишкова В.Л.</i> Ювелирно-поделочное сырье Томской области.....	33
<i>Салитов Д.Г.</i> Опаловые проявления Томского района.....	40
<i>Бухарова О.В.</i> Декоративно-поделочные риволиты Западной Монголии.....	42
<i>Тишин П.А., Коповаленко С.И.</i> Геологическое строение и минералогия Ирдыкского проявления змеевиков и офикальцитов (Северный Тянь-Шань).....	45
<i>Борозновская Н.И., Коповаленко С.И., Каренин Е.Л.</i> Люминесцентные полевково-оленочные критерии миароловых пегматитов.....	50
<i>Борозновская Н.И., Быдтаева Н.Г.</i> Роль собственной люминесценции при оценке качества кварцевого сырья.....	58
<i>Тишин П.А., Чернышов А.И., Мартынова Т.Е., Борозновская Н.И.</i> Особенности состава жадеитовых широксенов месторождения Игмурунды (Центральный Казахстан).....	66
<i>Павлова О.С., Бадицина Е.В.</i> Типоморфные особенности шерлов Малханского месторождения камнесамоцветного сырья (Центральное Забайкалье).....	71
<i>Коповаленко С.И.</i> Минералогия ювелирного турмалина миароловых пегматитов Юго-Западного Памира.....	74
<i>Борозновская Н.И., Коваленко В.С., Коваленко В.И., Тишин П.А.</i> Люминесценция и особенности окраски широксенов жадеитового ряда.....	81
<i>Коповаленко С.И., Борозновская Н.И.</i> Спектры люминесценции редких и новых боратов из миароловых пегматитов Юго-Западного Памира.....	87
<i>Ожередов Ю.И.</i> Китайские изделия из нефрита в собрании Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета.....	94
<i>Индукеев Ю.В.</i> Мир ювелирного юдчества, свойства и магичность природных и искусственных камней.....	107
<i>Падалко А.В., Копольева В.Е.</i> Находка ювелирного берилла в археологических раскопках Западной Сибири.....	119

КИТАЙСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ НЕФРИТА
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ
ИМ. В.М.ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Ю.И. Ожередов
Томский государственный университет

«... Решительно все лучшее – это нефрит».
Академик В.А. Алексеев

Формирование нефритовой коллекции Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского имеет долгую историю, начало которой положено в 1880-х гг. дарениями частных лиц, побывавших по разным причинам на территории Китая. В основном вещи доставлялись из Северо-Западной провинции Китая Синьцзяна, по-китайски – «Новая территория». Новая потому, что была присоединена только в XVIII в. после разгрома Джунгарского ханства. Нефритовые изделия входили в состав коллекций Б.П. Шостаковича: табакерка, статуэтка Шоусина (рис. 1, 2); горного инженера Маюрова – заготовка печати; Д.К. Новак – утка (рис. 3) и других. Все они относятся к историческому периоду и датируются в пределах XIX в. Изделием XX в. следует считать ажурную растительную композицию, приобретенную музеем в 1990-х гг. (рис. 4). Исключением является сосуд из коллекции И.П. Кузнецова-Красноярского, найденный вместе с предметами археологического и этнографического времени на территории Минусы (рис. 5). Возможно, он датируется более ранним периодом, чем перечисленные экспонаты, но точно сказать каким, пока не представляется возможным. Ряд находок тюркского времени (вторая половина 1-го – первая четверть 2 тыс. н.э.) лишь гипотетически могут рассматриваться как китайские, поэтому упоминаются только по аналогии материала. Это детали воинского поясного набора из белого нефрита, доставленные из Минусы, а также пластины-подвески и наременные бляшки из могильников Томской области.

В непосредственной близости к теме китайского нефрита находится небольшая однородная по составу коллекция, также поступившая из случайной находки в минусинской степи. В нее входят десять предметов, найденных при земляных работах. Все они изготовлены из белого нефрита и являлись подвесками амулетами (рис. 6). Большинство из них ими-

тирует клыки хищника или кабана и другие, выполненные в форме колец. Близость этой коллекции к интересующей нас теме определяется как материалом, так и культурно-историческими параллелями.

Рис. 1. Табакерка для хранения
похотельного табака

Рис. 2. Статуэтка – изображение
святого Шоусина

Рис. 3. Тушица – утка

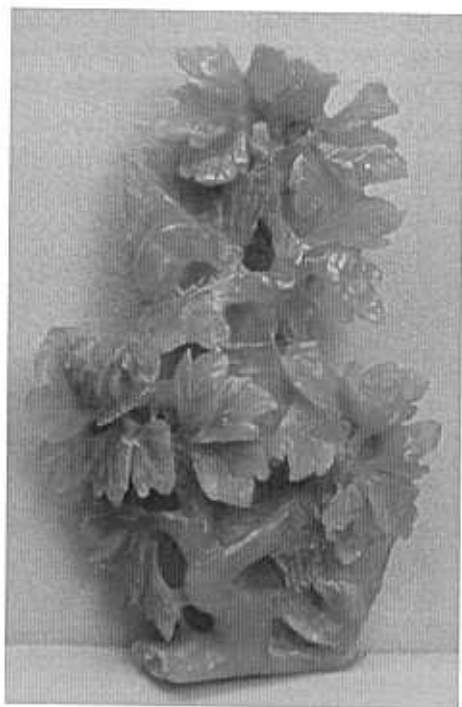

Рис. 4. Растительная композиция

Рис. 5. Сосуд из коллекции И.П. Кузнецова-Красноярского

П
ся на
декор
Евра
прон
вини
лий
симь
архе
кото
ской
дени
П
проп
мест
стан
те ж
неф
в С
Г.М
дан
р. Б
гии
кит
ван
лья
неф
об
рит
так
воз
эни
ват
на
и с
ны
ло
В
ка
ср

Предваряя тему о китайской нефритовой пластике, следует остановиться на более общей проблеме нефрита как сырья прикладного орудийного и декоративно-художественного производства в культурах азиатской части Евразии. Дискуссия об обеспечении нефритовым сырьем камнерезного производства сибирской, китайской и среднеазиатской культурных провинций родилась в конце XIX в. в связи с находками в Прибайкалье изделий из нефрита, датируемых эпохами неолита-энеолита и бронзы и соотносимыми с генетически преемственными, в рамках названного времени, археологическими культурами региона. Краеугольной позицией, вокруг которой, собственно, вращался весь диспут, получивший в археологической литературе название «нефритовый вопрос», стал вопрос о месторождениях нефрита археологических изделий [7].

Примерно в то же время, вне зависимости от названной проблемы, проводились геологические исследования нефритоносных проявлений и месторождений в Восточном Саяне и на территории Китайского Туркестана в районе хр. Кузнь-Лунь. При этом в них порой участвовали одни и те же исследователи, в частности К.И. Богданович, знакомый с обеими нефритоносными провинциями. Начало геологическому поиску нефрита в Сибири было положено чиновником по розыску цветных камней Г.М. Пермикиным, направленным в Сибирь для поиска нефрита. Разведанный им камень зеленого и серого цветов на притоках Ангары и р. Белой, рр. Хорок, Оспа, Урик, Онот, Китой стал новым этапом в геологии и археологии одновременно. Это открытие и стародавняя добыча в китайской провинции, помимо прочих, еще и белого нефрита стали основанием для рассуждения о судьбах археологических нефритов Прибайкалья. Дело в том, что наряду с топорами, теслами и ножами из зеленого нефрита, который вполне сопоставим с местным сырьем, в могилах были обнаружены украшения, а, прежде всего, кольца и диски из белого нефрита, месторождения которого были не известны в Сибири. На основании такого расклада возникло предположение, высказанное Богдановичем, о возможности доставки белого нефрита в Прибайкалье из китайского Кузнь-Луня. Особенно горячо это положение отстаивал китайский исследователь Шиобин-В-Чжан, опубликовавший в Трудах ВСОРГО статью под названием «Следы пребывания китайцев в Сибири». Казалось, все так бы и осталось, т.к. в то время не было возможности проверить умозрительные заключения точными аналитическими методами, но другое предположение того же К.И. Богдановича нашло неожиданное подтверждение. В свое время, будучи на восточно-саянских проявлениях нефрита, он показал гальку белого нефрита из Китая своему местному проводнику. Тот сразу же подтвердил наличие таких камней на р. Белой, только не мог

вспомнить, где точно видел их, выше или ниже устья р. Урик. Богданович на основании полученной информации сделал предположение о существовании саянского белого нефрита, что через 4 года косвенно подтвердил Л.А. Ячевский, обнаруживший валун с участками белого нефритового агрегата. Тогда же А.Е. Ферсман, изучивший архивы экспедиции Г.М. Пермикина, выявил существование на Урике наличие белой разновидности нефрита. Но только в 1933 г. М.Ф. Шестопалов смог подтвердить догадки своих предшественников. Житель с. Буреть передал ему превосходный образец белого, слегка желтоватого нефрита. Галька была им подобрана на р. Белой. Специальная экспедиция треста «Русские самоцветы» в 1934 г. завершила открытие белых нефритов Прибайкалья: на р. Гарлык-Гол было разведано коренное месторождение зеленоватобелых нефритов, а на притоке Китоя, р. Ара-Хонголдой, между тремя ручьями под общим названием Бартой Желга месторождение с беловато-зелеными, серыми и снежно-белыми разновидностями нефритовой породы [7, 8, 9, 12].

С завершением геологической недосказанности практически закрылась и археологическая тема. Стало ясно, что белый нефрит Прибайкальских украшений местного происхождения. Но, между тем, осталась проблема взаимоотношений Сибири и Китая в области камнерезного искусства, а прежде всего в деле обработки нефрита. Уже на ранней поре решения этого вопроса нашлось достаточно много неясностей, которые предстояло разъяснить. Прежде всего, насколько такая связь существовала и каковы ее истоки.

Достаточно давно были известны находки в северных провинциях Китая колец и дисков аналогичных Прибайкальским. В основном это предметы, извлеченные крестьянами из могильника на холмах Пан-Шан в долине р. Тао. Ранние находки связываются с неолитической культурой Яншао, нефритовые изделия которой представлены украшениями имевшими кульново-магическое назначение. Позже такие вещи бытовали в период легендарных династий Инь и Чжоу. Это диски «би» и кольца типа «юан» (узкие) и «хуан» (широкие). Все они из белого нефрита и считались изготовленными из сырья Куэнь-Луня. Предполагалось, что изготовленные в Китае, такие амулеты поступали в Сибирь. Однако, оказалось, что в самом Китае в изобилии только диски, а кольца встречаются крайне редко, тогда как в Прибайкалье те и другие в равной мере многочисленны. Кроме того, выяснилось, что техника их изготовления также существенно отличается. Китайские сверлились круглыми пустотелыми сверлами, а сибирские резались с двух сторон кремневыми резами, из-за чего боковые поверхности, у последних имели резко выделявшееся реб-

ро. Так стало понятно, что на двух территориях существовали самостоятельные мастерские и традиции обработки нефрита. Но оставались неясными причины столь близкого сходство по форме. Нигде оно больше не наблюдается так, как в Китае. Архаические изделия совпадают и по времени бытования. Значит, какие-то контакты были. На основании этого было высказано предположение, что их причина в одинаковой заинтересованности в сырье, в нефрите. Поиск в этом направлении указал на информацию, о том, что в древности нефрит привозили в Китай с севера из страны «сушеней», т.е. из Манчжурии и Приамурья. Однако в этом районе нет своего нефрита, поэтому, скорее всего, речь шла о прибайкальском сырье. Также появилась информация о торговле нефритом в чжоуское время на севере провинции Шэньси между рекой Вэй и Ордосом. А это древний военный и торговый путь в Китай через Монголию. На основании собранных свидетельств археологического и письменного характера современные ученые пришли к мысли, что нефрит поступал не из Китая в Сибирь, а напротив, в Китай из Сибири.

Еще более в такой мысли убеждают многочисленные находки аналогичных нефритовых изделий на других территориях к западу от Ангары. Кольца из белого нефрита найдены в археологических памятниках вплоть до Восточной Европы. А в Сибири, кроме Прибайкалья они встречены еще и в минусинских степях [8]. Есть сведения, что нефрит был популярен и к востоку от Прибайкалья. Так, например, «по представлениям гольдвов, круглый нефритовый камень с отверстием в середине дает человеку счастье: для этого мальчикам через отверстие в камне дают сосать грудь матери, девочкам тот же камень вешают на шею» [3].

Наша минусинская коллекция отличается особым подбором предметов. Как уже говорилось, в основном это амулеты в форме когтей хищника или клыков кабана. Вторая версия более правдоподобна исходя из реконструированных представлений об этом животном в древней истории Евразии. В основе их воинская или героическая тема, где кабан или вепрь воплощение древних богов и героев. Реальные украшения из клыков кабана известны в могильниках Прибайкалья, в которых их находят вместе с нефритовыми кольцами. Здесь клыки составляют ожерелья или являются отдельными украшениями одежды и головных уборов.

На территории собственно ханьского Китая месторождений нефрита нет. Нефрит и жемчуг, в силу того, что доставляли их издалека, ценились, например, в 7 в. до н.э. выше всего, следом шло золото, а за ним медные монеты в виде лопаток [8, 2]. Нефритовые месторождения Куэнь-Луя долгое время контролировались кочевниками Восточного Туркестана уйгурами. Поэтому, они, обычно выплачивали Китаю дань частично неф-

риговыми изделиями и сырьем. Кроме того, государство получало нефрит и по линии торговли, монополизировав этот вид товара. Китайский источник сообщал: «Прежде со времени династий Поздняя Цзинь и Поздняя Хань, каждый раз, как уйгуры прибывали в столицу, жителям запрещалось вести с ними частную торговлю. Все драгоценности продавались казенным учреждениям. Совершившие сделки в народе подвергались наказанию. Теперь чжоуский император Тай-цзу приказал отменить старый закон. Каждый приезжавший уйгур мог свободно вести торговлю, власти не могут налагать запретов. Вследствие этого, стоимость нефрита упала на 70–80%» [4].

Священное осмысление нефрита в Китае оформила дуалистическая концепция, детально разработанная в сочинениях философа IV–III вв. до н.э. Чжоу Яна, которая исходила из того, что противоположные силы *инь* и *ян* должны не противоборствовать, а гармонически сливаться и взаимодействовать, и что только достижение гармонии и слияния может содействовать процветанию всего сущего. К числу древнейших таких парных символов относятся, по мнению Б. Карлгрена (518, 39–40), каури (женское начало) и нефрит (мужское). Видимо, символика этой пары была связана с древними культами плодородия и размножения, и в частности с фаллическим культом. Эта древняя символика сохранилась и позже: в иньских и чжоуских изделиях из бронзы дуализм мужского и женского начала очень часто иконографически изображался в виде фаллусообразных выступов и вувлюобразных овалов [1].

Из нефрита изготавливались в основном предметы священного характера. В связи с таким обособлением в сакральную сферу любопытно следующее топонимическое совпадение: название месторождения с белым нефритом Куэнь-Лунь созвучно с понятием «мировая гора» Куньлунь, хозяйкой которой считалась очень популярная владычица небесных чертогов богиня Чанси, изображавшаяся с тигриными клыками и хвостом леопарда. Она же являлась Матерью-Правительницей Запада [5], где и располагается Куэнь-Лунь. Вследствие наличия такой цепи совпадений, не исключено, что этимологически два названных топонима идентичны. К морфологии данного топонима весьма близко значение дракон Лун, мифическое существо символ императорской власти.

При резке изделий мастера ограничивались минимальной обработкой естественного камня, придавая ему круглую (небо) или квадратную (земля) форму. Такие диски использовали в церемониях. В иньскую эпоху из нефрита делали ритуальные топоры, регалии, человеческие маски. Кусочки нефрита в форме цикады вкладывали в рот умершего, поскольку цикада вновь оживающая после зимней спячки была для китайцев симво-

том вечной жизни. Одежду умершего скрепляли нефритовыми застежками в виде драконов или рыб. Обязательным атрибутом императоров и сановников была резная печать. Очень популярны среди интеллигенции были находки нефритовых предметов из древних могил, но считалось, что природные свойства камня в них умерли. Для оживления следовало долго держать их в руках или носить на теле [5]. Особенно ярким примером приобщения нефрита к небесному или божественному может служить то, что большая его часть шла на обеспечение богдоханов-императоров, как известно, причисляемых к рангу божественных персон. Предпочтение отдавалось традиционно белому цвету, но не пренебрегали и другими. Очень ценным считали серый цвет или как говорили «цвет плевка». Но только императорам позволялось пользоваться предметами из белой яшмы (в литературе нефрит иногда называют яшмой, следуя китайской традиции. – Ю.О.), или «яшмы как бараний жир». В зеленый, самый распространенный, обряжали тела умерших императоров их жен, принцесс, князей, сестер и теток. Отличительной особенностью этих нарядов был только материал проволоки, которой скрепляли нефритовые пластинки одеяний – золотая, серебряная и бронзовая. Ценность материала соответствовала определенному рангу умершего. На один нефритовый наряд уходило более двух тысяч пластинок. Так посмертное облачение удельного князя поздниханьского времени Лю Шэня потребовало 2690 пластинок нефрита.

Во множестве использовали нефрит в качестве оберега от злых духов. Дело в том, что нефрит звенит, а особенно звонки тонкие его пластинки. А злые духи, как известно, не переносят шума, особенно резких звуков и оставляют место, откуда они исходят. Но помимо звукового апотропеизма, вполне очевиден аспект причастности этого камня к разряду божественного, прежде всего, лунного божества, каковым является богиня и правительница Запада Чанси.

Собственно, искусство китайского камнерезания возникло уже в эпоху древних царств. Долгое время оно обслуживало религиозные потребности, но постепенно эта особенность отстывает и искусство в последние века становится более светским, хотя полностью освободиться от священного осмысления камня вряд ли удастся полностью.

Мастерство резчика заключалось в умении как можно полнее использовать природные свойства материала, включая, конечно и свойства меняться под воздействием других природных факторов. Это правило соблюдалось особенно строго в резьбе по камню. Угадать в куске яшмы-нефрита с его неповторимой формой, переливами цветов, и узором прожилков на поверхности великий умысел «творца вещей» и тем самым ус-

пешно «завершить работу Небес» – было первейшей задачей камнереза и на ее решение уходили годы. При этом чем меньше получалось опилок при изготовлении скульптурного изображения, тем выше ценилась работа резчика [6, 11].

Этнографическая коллекция музея, в отличие от археологической в которой господствует белый камень, более разнообразна не только по формам изделий, но и по разновидностям нефрита. Вместе с тем, доподлинно не известно из каких месторождений взят материал. Исходя из информации о местах приобретения этнографических предметов, можно предположить, что сырьем им послужил нефрит китайского происхождения, вероятнее всего из месторождений хр. Куэнь-Лунь. Данное предположение базируется, прежде всего, на географической близости. Практически все дореволюционные предметы собраны на территории Синцзяна. Вместе с тем сохранилась информация уже этнографического времени, косвенно подтверждающая особую ценность нефрита в китайском обществе.

Тушницу в форме водоплавающей птицы, вероятно китайской утки, держащей в клюве стебель лотоса, передал в музей директор гимназии г. Верный Д.К. Новак, по поручению некоего Петра Андреевича Давыдова. По легенде владельца, камень, послуживший материалом, был привезен из Бухары сначала в Китай, а затем в Кульджу, где китайские мастера его обработали. Позже, во время землетрясения в Верном, птица потеряла фрагмент правого крыла, а в пожаре обгорела и треснула. Следует заметить, что тушницы в китайской жизни имели священное осмысление ввиду их причастности к иероглифике, считавшейся божественным искусством. Образец из музея выполнен из пестроцветного серого с темными прожилками нефрита чешуйчатой структуры. Очевидно, мастер, изучив полученный им кусок нефрита, намеренно выбрал тему пестрокрылой китайской утки. Ее образ вполне мог быть навеян цветом и структурой камня: первый соответствовал окрасу птицы, а чешуйчатость строения напоминает перьевой покров.

От ссыльного поляка Б.П. Шостаковича (деда композитора Д. Шостаковича) в дар музею в 1887 г. поступила пестроцветная нефритовая статуэтка дракона, застывшего в созерцательной позе на обломке большого камня или скале (рис. 7). Образ дракона, застывшего на каменной глыбе, в китайской мифологии глубоко символичен. Дракон часто ассоциируется с горами, горными расщелинами, горными проходами русел рек. «Вытекая из Тибетского нагорья, Хуанхэ проходит через глубокое ущелье, так называемые Драконьи Врата». По легенде рыба, прошедшая Драконьи врата вверх по течению, превратится в дракона. Такой рыбе уподобляли человека, успешно сдавшего экзамены на чин и обеспечив-

шего себе карьеру [5]. Здесь это символ успеха. Вместе с тем огромный дракон старого китайского художника Ляо Чжая выползает из ущелья и заглывает человека [10]. Дракон среди четырех «священных животных» Китая стоит на первом месте. В разные исторические периоды происходили определенные переосмысления семантики данного персонажа, но в целом сохранилась его божественная суть, обусловленная причастностью к плодородию и воспроизводству. Дракон одновременно видим и невидим, он небожитель и обитатель подземных миров, т.е. это существо полисемантическое как по происхождению, так и по функциям. Как божество дождя дракон стал символом императорской власти в Китае. Императоры именовались драконами, а их дворцы и кресла драконьими. Проводилась прямая параллель: дракон властитель на небесах и ему все подчинено, император властитель на земле, ему все починено и он, следовательно, аналог небесного дракона и сам дракон [6, 10]. Бирюзовый дракон с пятью когтями Лунг был эмблемой династии Хань, символизировал активный принцип инь, Восток, восходящее солнце, плодородие, счастье и дар божественного знания и бессмертия [11].

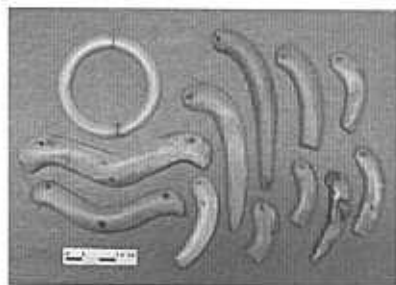

Рис. 6. Амулеты – подвески и кольца из Минусы

Рис. 7. Статуэтка: дракон на скале

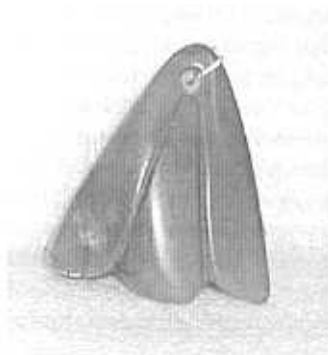

Рис. 8. Амулет-подвеска – лотос

Рис. 9. Амулет-подвеска с иероглифом Шоу

Фигурка из пестрого бежево-зеленоватого камня выполнена с большим мастерством и, очевидно, с хорошим знанием иконографии и мифологии образа. Можно предположить, что, обладая несомненной эстетической ценностью изображением, тем не менее, имело сакральное назначение: через нее можно было обратиться к божеству и ею же можно было символически оградиться от дурного влияния демонов враждебных человеку.

Напрямую со священным связана фигурка божества долголетия Шоусина, дарующего здоровье и благополучие [5], выполненная из ушпленного камня белого с желтоватым оттенком цвета, именуемым цветом сала. В одной руке старец держит страннический посох, а в другой символ благополучия в форме плода персикового дерева.

Священный символизм свойственен и амулету в форме стилизованного лотоса, вырезанного из зеленого минерала (рис. 8). По мастерству исполнения поделка относится к разряду невысокого искусства и вероятно имела чисто прагматическое назначение в среде среднего достатка. Цветок лотоса сакрализован в культурах Востока и аналогизируется с идеализированной формой вульвы как божественного источника жизни. Лотос символизирует рождение и возрождение, духовный рост человека и способность души к божественному совершенству [11].

В коллекции находятся два изделия, входивших в обязательный набор предметов каждого китайца: личная печать и табакерка для хранения нюхательного табака [5]. Первая выполнена из пестроцветного материала красноватого оттенка в форме квадратного в сечении столбика, на нижнем торце которого нанесены инициалы владельца, а верхний украшен изображением мифологической собаки-льва арслана.

В традиционной технике обработки нефрита выполнен флакон «для шохания табака», аналог европейских табакерок, получивших широкое распространение в Китае с конца XVII в. [5]. Табакерка изготовлена из бледно-зеленого полупрозрачного нефрита. Мастер оформил изделие под вид окатанной речной гальки уплощенной формы. Однако в отличие от дикого камня поверхность тщательно отполирована, а через 5-миллиметровое отверстие в торце высверлена внутренняя полость-хранилище для нюхательного табака.

В аналогичной технике выполнен уплощенный по бокам сосуд из зеленого нефрита с узкой горловиной, края которой обломлены, поэтому форма венчика не ясна. Как и у табакерки внутренняя емкость данного сосуда выбрана через горловину. На боковых поверхностях выгравировано по одному благожелательному иероглифу, занимающему всю плоскость.

Амулетом особого рода можно назвать фигурную подвеску из белого нефрита, в центре которой сквозным прорезным способом изображен благожелательный иероглиф *шоу* (рис. 9). Такого рода изделия обладали священными свойствами и выступали в качестве оберегов охранителей от воздействия влих сил. Наряду с другими оберегами такие талисманы входили в набор обязательных предметов любого зажиточного или интеллигентного, как было сказано выше, китайца.

Сквозная резьба по нефриту в Китае пользовалась большой популярностью во все века. Поэтому изделия, изготовленные в такой технике не составляют редкость, однако они практически неповторимы, а потому еще более ценны. В музейное собрание в конце 1990-х гг. поступила растительная композиция из светло-зеленого нефрита, в прорезном исполнении. Датировка предмета затруднена, так как он поступил без комментариев его истории.

Настоящее сообщение имеет предварительный информативный характер, базирующийся на основе визуальных минералогических определений выполненных заведующим кафедрой минералогии и геохимии ТГУ доцентом С.И. Коноваленко. Работа по изучению вещественного состава аппаратурными средствами позволит в дальнейшем исследовать специфику химического состава сырья выше перечисленных экспонатов, что, в свою очередь, даст основания провести сравнение его с химическим составом нефрита из проявлений и месторождений разных регионов Азии и определить привязку каждого из предметов к тому или иному из них.

Литература

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
2. Декоративные разновидности цветного камня СССР. М.: Недра, 1989.
3. Зеленин Д.К. Магическая функция примитивных орудий // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917-1934. М.: Изд-во «ИНДРИК», 1999. С. 100-139.
4. Мадьякин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1974. 210 с.
5. Мадьякин В.В. Китайская цивилизация. М.: «Дизайн. Информация. Картография»; «Изд-во АСТ»; «Изд-во АСТ», 2001. 632 с.
6. Мадьякин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: «Дизайн. Информация. Картография»; «Изд-во Астрель»; «Изд-во АСТ», 2001. 448 с.
7. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР; МИА, 1950; № 182/Ч. 1, 2. 412 с.
8. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР; МИА, 1955; № 43/Ч. 3. 373 с.
9. Секерин А.П., Секерина Н.В. Нефриты и их распространение в Южной Сибири // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. пед. университета, 2000. Вып. 2, Ч. 1. С. 146-160.
10. Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарно. Мифологические животные древнего Китая. СПб.: Формат Т, 2004. 224 с.
11. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.
12. Ферсман А.Е. Очерки по истории камня: В 2 т. Т. 1. М.: Терра-Книжный клуб, 2003. 304 с.

Научное издание

ГЕММОЛОГИЯ

Сборник статей

Издание подготовлено по материалам,
представленным редакторами сборника

Отв. редактор С.И. Коноваленко

Оригинал-макет В.К. Савицкого
Дизайн обложки В.Г. Караваева

Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.

Подписано к печати 05.11.2004 г. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 7,20. Тираж 250 экз. Заказ № 199.

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Участок оперативной ризографии и офсетной печати

Редакционно-издательского отдела ТГУ

Лицензия ИД № 00455 от 15.11.99 г.